

Михаил Немцев

Нашему давнему другу и постоянному автору журнала «Простор» Михаилу Немцеву исполнилось 60 лет. Редакция сердечно поздравляет юбиляра и желает ему крепкого здоровья, жизненного и творческого долголетия.

ОБЕРЕГ ЗЕМЛИ РОДНОЙ

ЗА БЕРЁЗОВОЙ ГРИВОЙ

За Берёзовой Гривой
кукушка считает года,
Меж стволов белоснежных
дышать широко и свободно.
Мне сегодня привиделось
лучшее время, когда
Я себя ощущал неотъемлемой
частью природы.

За Берёзовой Гривой
грибами пропахла тайга,
И от ягод смородины запах
пахучий, духмяный.
На простор кедрачей,
поднимаясь к вершинам тогда,
Я стоял перед солнцем огромным,
от радости пьяным.

За Берёзовой Гривой
был воздух прозрачней струи,
Родниковой струи,
что дрожит меж берёзовых веток.
Там однажды увидел
я светлые кудри твои,
И себя потерял,
и кукушка сказала об этом.

НА БЕРЕГУ УБЫ

Анатолию Иванову

Волной широкой берег омывая,
На плёсах отражая облака,
Течёт веками от белков Алтая
Великая и мудрая Уба.

Какие думы старOVERов строгих
Она с таёжных вынесла логов,
Чтоб зазвучал

для всех

жителей прозой
Писатель – Анатолий Иванов.

Он с детских лет
ходил по этим тропам,
Он ветром Шемонаихи дышал,
И книг своих написанные строки
В родной округе, на Убе встречал.

Он тут стоял,
и мысль текла по волнам,
И находилось много нужных слов:
И «Тени, исчезающие в полдень»,
И «Повитель»,
и главный – «Вечный зов».

И Марья, образ мужества, печали,
 Взметённый ивановскою рукой,
 С убовского утёса смотрит в дали,
 Как будто оберег земли родной.

ИВАНОВСКИЙ БЕЛОК

Пронизан солнечным лучом,
 Торжественно высок,
 Блестит пасхальным куличом
 Ивановский белок.

Глазурью свежей снеговой
 Слегка припорошён.
 Летучей радужной листвою
 Осыпан синий склон.

Ещё не осень, но кругом
 Прозрачен синий лес.
 И над Ивановским белком
 Пасхальных красок блеск.

ГОРОДСКОЙ МОТИВ

Находимся. Намаемся. Наскачемся.
 На улицах вечерних обозначимся.

Мелькнём
 перед холёными витринами,
 Прошелестим колечками гардинными.

Запомним встречи,
 вычеркнем изгнания,
 Закусим губы при втором дыхании.

Согреемся горячими бокалами,
 Поговорим с гостями запоздалыми.

Расскажем детям сказки «бородатые»
 Про чудеса, про царство тридевятое.

От смеженных ресниц
 утратим зрение,
 Перелетим в другое измерение.

Увидим сны цветные, чёрно-белые,
 Где будем жить
 за давними пределами.

И до рассвета маета дорожная
 Жаждётся нас,
 летающих над прожитым.

РАДУГА

Где часть земли соединилась
 С небесным краем голубым,
 Любви возвышенной светило
 Зажглось сиянием цветным.

И мы, вдвоём, стоим отныне,
 И видим радугу насквозь :
 Я – где кончается твердыня,
 Ты – там, где небо началось.

БАЛЛАДА О ВОЕНВРАЧЕ

Военврач второго ранга,
 Я вчера сумел узнать –
 На больничную веранду
 Вашу вынесли кровать.

В эту новую палату
 До назначенной поры
 Попроюсь я под халатом
 Милосердной медсестры.

У меня в плетёной сетке
 Небольшой подарок вам:
 С дикой яблони ранетки,
 А с садовой – джонатан.

У меня для вас заучен
 Про войну один стишок,
 Я его запомнил лучше,
 Чем задание на урок...

Военврач второго ранга,
 Я ещё узнал про то,
 Что ни поздно и ни рано
 Не приходит к вам никто.

Нет родных, как не бывало,
 А виной всему война,
 И к постели приковала
 Вас давным-давно она.

От того до боли грустно
Вы встречаете мой взор.
И всё мнёте, мнёте с хрустом
Папиросу “Беломор”.

Вы пригладите ладонью
Мой вихор на голове,
И в груди у Вас застонет
Что-то родственное мне.

Вы попросите при этом,
Чтобы я для Вас принёс
“Правду” – свежую газету,
Пачку крепких папирос.

И запомню я навечно,
Как в густом дыму, хоть плачь,
На меня, на блеск аптечный
Смотрит с грустью военврач.

«OST»

С нашивкой «OST» на левой стороне
Девчоночьей груди, усталой самой,
В бараке Маутхаузена мне
Нельзя тебя представить нынче, мама.

...Зондеркоманда, окружив село,
Спалила Пестраковку, до паскотин.
И население, – всех до одного –
Отправила в Германию работать.

Концлагерь, окружённый в три ряда
Колючкою, с охраною на вышках:
Вам по-немецки выдали тогда:
– Арбайтен –
всех желаний ваших выше!

Он был несносен, ваш обер-капо,
Когда шутил, на крематорий глядя:
– В Россию убежать желает кто,
То только с этим,
сизым дымом рядом!

В двенадцать лет,
под бюргерский притык
Ты начинала день и им кончала.
Но их язык, врага чужой язык,
Ты с ненавистью дикою впитала.

И через годы помнила одно –
Эсесовцы ругались часто грубо.
И по-немецки, так же тяжело,
Винovному цедила через зубы.

ГОРНЯКАМ

В грязи подземной, в сером гранулите
Вы не спеша идёте на-гора,
Вращается над городом в зените
Огромный круг рудничного копра.

Глаза прищулив от дневного света,
До нитки пропотевшие опять,
Вы думаете, с ваших лиц портреты
Не станут живописцы создавать.

Не станут грунтовать пахучей краской
На лаковых подрамниках холсты,
Не станут поправлять вам
робы, каски,
Чтоб подчеркнуть особые черты.

Но всё же, если встреча состоится,
Любой художник станет знаменит,
Изобразив простые ваши лица,
И грязь, и пот, и серый гранулит.

МОНОЛОГ ШАХТЁРСКОЙ ЛОШАДИ

С разнотравья щедрого, с приволий
Солнечных логов алтайских гор,
Нас лишили лошадиной воли,
Опустили клетью в рудный двор.

Нас по шахте сумрачной водили,
Говорили, чтобы навсегда
Мы о свете солнечном забыли,
И не вспоминали никогда.

Колотынки с тяжкою рудою
Мы тянули, шли потом в загон.
С разнотравья сено золотое
В стойлах раздавал нам коногон.

И ни ветерка с черёмух белых,
И ни бури, бьющей травостой:

Мы не знали запах пашни спелой,
Неба, опьянённого грозой.

Только коногонов приглушённый
Голос, доходящий в брань порой.
Только запах пороха в патронах,
Отпаливших рядышком забой.

Я устал, стоптал свои копыта,
На породе в штреках и ортах.
Света бы в глазах моих закрытых,
Гриву разметать бы на ветрах.

Может быть, затянутый повязкой,
Чтобы не ослепнуть в блеске дня,
Из клетки, расшатанной и тряской,
Поведут когда-нибудь меня.

Захмелевший, в запахе черёмух,
Упаду в ромашковый обвал.
Я умру в долине предбелковой,
О которой в шахте вспоминал.

* * *

*Услышав голос муэдзина, возглавляющего время первой утренней молитвы, спрашиваю у двухлетней Алины: «Чей это голос?»
– Это голос луны...*

Из разговора

Это голос луны прозвучал
с высоты минарета,
Огласив правоверным предутренний
первый намаз.
Ночь ещё не прошла,
не настал золотого рассвета
Осенённый лучами с востока
живительный час.

Это пела луна на протяжной
возвышенной ноте,
Разбудив петухов полусонных,
их сонных подруг:
– Правоверные, так ли,
как требует небо, живёте,
Сколько добрых свершений
уместится в жизненный круг?

Сколько дней и ночей
меж собою храните согласие,
По законам любви
почитаете ль близких своих?
Поделились ли вы с неимущими
пригоршней счастья,
А несчастным облегчили ль
участь тяжёлую их?

Ночь темна, но и день не далёк,
он уже осязаем –
Холодком потянуло с далёких,
светлеющих гор.
В тополях придорожных
на время мечеть затихает.
Всё неясней и выше
луны вопрошающий взор

